

О.В. ЗАМЯТИНА
Екатеринбург

**ФИСКАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ВИЗАНТИИ ПО
ПЕРЕПИСКЕ ПАТРИАРХА ГРИГОРИЯ КИПРСКОГО
1283-1285 гг.¹**

Предполагая хронологическое расположение писем Григория Кипрского, согласно гипотезе Lameere², в рамках данной темы мы отобрали 10 писем³, относящихся к периоду 1283–1285 гг. Весьма важными являются два письма патриарха к великому логофету⁴ (τῷ μεγάλῳ λογοθέτῃ), имя которого не называется, но которого следует отождествить с Феодором Музалоном⁵, и два ответа последнего патриарху⁶. Важными, по всей вероятности, считает их и сам Григорий, поскольку он сохранил не только свои письма, но и письма своего корреспондента.

Первое письмо и первый ответ касаются дела Иоанна Теологита, сборщика Македонии и Фракии (ὁ Μακεδονίας καὶ Θράκης ἀπογραφεύς)⁷. Первое письмо (Eu. ριε' [115], Lameere 128) является и первым письмом

---

¹ Автор выражает благодарность за помощь в переводе писем д-ру Х.-Ф. Байеру и надеется на продолжение сотрудничества в подготовке издания корреспонденции Григория Кипрского на русском языке. В качестве основного источника для перевода используется издание S. EUSTRATIADIS, Γρηγορίου τοῦ Κυπρίου οἰκουμενικοῦ πατριάρχου Ἐπιστολαὶ καὶ Μῦθοι. Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ 1910 (далее – Eu.), а также рукопись библиотеки Эстензе в Модене Codex Mutinensis Graecus 82 (III C3) и ватиканская рукопись Codex Vaticanus Graecus 1085.

² LAMEERE W. La tradition manuscrite de la Correspondance de Grégoire de Chypre. Bruxelles-Rome. 1937. См. его нумерацию.

³ Eu. ριε', ριζ', ριζ', ριθ', ρκ', ρκп', ρκθ', ρλβ', ρлδ', ρлε'.

⁴ Eu. ρиe', ρиζ'.

⁵ Μουζάλων, Θεόδωρος Βοίλας, великий логофет в 1282–1294 гг. См. PLP VIII, № 19439.

⁶ Eu. ρиζ', ρиθ'.

⁷ Θεολογίτης Ἰωάννης, сборщик в Македонии и Фракии в 1285 г. См. PLP IV, № 7514. LAURENT V. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I, Les actes des patriarches. Fasc. IV, Les registes de 1208 à 1309. Paris. 1971. № 1483, 1519. В корреспонденции Григория Кипрского упоминается также в письме Eu. ρиζ' [116] (Lameere 129) Феодора Музалона к патриарху и в письме Eu. ρлδ' [134] (Lameere 147) патриарха к императору.

Григория Кипрского в качестве патриарха⁸, но не первым его письмом к Музалону⁹. Письмо начинается с каламбура по поводу имени Теологита: Григорий говорит, что этот сборщик, «желая называться теологом» (θεολόγος), от патриарха услышит только имя Теологит (Θεολογίτης). Григорий использует игру слов, чтобы таким образом выразить свое пренебрежительное отношение к этому человеку.

Теологиту императорской простагмой было приказано дать патриарху некую землю, чего он не сделал, как будто «вначале дать не велел император». Кроме того, Теологиту велено было дать патриарху тысячу модиев пшеницы и ячменя, по поводу чего «к этому благородному» (πρὸς τὸν γεννάδαν)¹⁰ была отправлена простагма. Однако, он «получает простагму, делает же не согласно простагме» (δέχεται μὲν τὸ πρόσταγμα, πράττει γέ μὴν οὐ κατὰ τὸ πρόσταγμα)¹¹. Он дал патриарху, «с трудом и скупясь» (δυσκόλως καὶ λεφεισμένως), только пятьсот модиев, половину при этом «задержал при себе» (κατέσχε παρ' ἑαυτῷ). Далее патриарх сообщает аргументы Теологита.

Через несколько дней после первой простагмы ему пришла и другая с повелением дать пятьсот модиев пшеницы монахиням монастыря Пертце (Περτζέ)¹², за которых патриарх также ходатайствовал и для которых добивался простагмы. И вот его «умозаключение» (λογισμός), по мнению Григория, «ложное умозаключение» (παραλογισμός): пятьсот он дал патриарху и пятьсот – монахиням при посредничестве патриарха, что в сумме составляет тысячу, а потому он исполнил свое обязательство.

Таким образом, патриарх получил всю тысячу и пусть это ценит. Григорий задает риторический вопрос: откуда проистекают эти поступки и размышления Теологита, от «наивности ребячливого характера» или же «плохого характера, дурного поведения, надменности и презрения»? Сам он, конечно, полагает, что причина тому последнее.

Далее Григорий пишет о том, какие действия он предпринял. Он послал своих людей, чтобы они забрали то, что, по его словам, дол-

⁸ Письмо должно быть написано после 28 марта 1283 г., когда Григорий Кипрский стал патриархом. Регистрируя настоящее письмо под № 1519, Laurent не уточняет, написано оно в 1283 г. или между 1285 и 1289 гг.

⁹ См. письмо Eu. ρίς [116], Lameere 129, где Музалон говорит: «полными наслаждения и чуда являются и все другие письма, которые ты пишешь и посылаешь каждый раз».

¹⁰ Ирония, выражающая пренебрежительное отношение патриарха к Теологиту.

¹¹ Игра слов по поводу простагмы.

¹² Женский монастырь Пертце был расположен в Константинополе. См. Janin R., *La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Le siège de Constantinople et le patriarcat œcuménique*. Vol. III, *Les Eglises et les monastères*. P., 1953. P. 410.

жен был дать Теологит. Он предполагает, что Теологит будет возмущаться, однако, говорит он, это пустое занятие, если только не вмешается великий логофет. Если же он вмешается и «коварнейший нарушитель получит назад то, что присвоил», то над патриархом станут смеяться.

Учитывая, что Григорий не так давно занял патриарший престол и это его первое обращение к Музалону в качестве патриарха, думается, что он еще не слишком хорошо представляет себе пределы своей компетенции. Он понимает, что проявил некое самоуправство и не знает, возмутится великий логофет или нет. В свое оправдание он говорит, что, хотя он по своей природе «вовсе не склонен к насилию» и не находит удовольствия, «грабя», но несправедливость по отношению к себе он переносит с трудом. Патриарх сам называет свои действия грабежом, намекая на их возможную незаконность.

Почти половина ответа великого логофета (Eu. ρις [116], Lameere 129) посвящена похвалам писательскому таланту патриарха. Он благодарен «жалкому Теологиту» (τῷ ταλαίῳρφ Θεολογίτῃ), который совершил много преступлений и по праву заслужил гнев императора, за то, что он дал Григорию повод сочинить и отправить «удивительное письмо» (τὰ θαυμάσια ὑράματα). Он хвалит «общую гармонию, композицию в отдельности, красоту связи высказываний, величие смысла в таком низком и весьма малом деле»¹³. Конечно, Теологит виновен, «так как он не отдает, как должен, землю и не доставляет пшеницу и ячмень» патриарху¹⁴.

Музалон говорит, что Теологит «будет подвергнут многим вопросам», поскольку «совершил многие нарушения в доверяемых ему общественных делах», поэтому он уже «отстраняется от службы и полномочий», получив которые, он «совершил многие прегрешения против императора и – прежде него – против Бога». Музалон говорит, что патриарх милосерден и склонен сострадать «к в высшей мере согрешившим» и высказывает опасение, что Теологит придет к патриарху в качестве просителя, и патриарх будет ходатайствовать в его пользу перед императором, что позволит Теологиту избежать «суда и достойных суда отчетов». Он «опять будет коварным», а казна лишится денег, которые Теологит «с готовностью заплатит в им-

¹³ Laiou спрашивает, обвинение это или софистика (LAIOU A. The Correspondence of Gregorios Kyprios as a Source for the History of Social and Political Behavior in Byzantium or on Government by Rhetoric//Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit: Referate des Internationalen Symposions zu Ehren von H. Hunger. Wien, 1996. P. 98, сноска 50). Думается, то и другое.

¹⁴ Музалон кажется немного насмешливым, говоря, что это страшный проступок.

ператорские кассы», если не получит от патриарха ««помощи и поддержки»».

На самом деле Теологит не был лишен своей должности, которую занимал еще в 1285 г.¹⁵ Поскольку Теологит приносил прибыль казне, его никто не собирался освобождать от занимаемой должности. Музалон согласен, что Теологит совершил дурной поступок, не доставив патриарху то, что был должен, и его не стоит жалеть, если он будет возмущаться действиями патриарха. Однако, великий логофет намекает на то, что, если он сам согласился закрыть глаза на (незаконные!) действия патриарха, то и патриарху лучше оставить все так, как есть.

В следующем письме (Eu. ριζ [117], Lameere 130) патриарх выражает восхищение красноречием Музалона и отзывается на похвалы, осыпаящие его собственный стиль. Далее он говорит, что «любя славу от слов и будучи побежден похвалами за них», он, «высказывая низкие дела»¹⁶, воздержится «от того, чтобы говорить точно обработанно», побуждаемый к этому прошением. Поэтому он просит Музалона обратить внимание на смысл слов, а не на композицию. Прощение исходит от Монебвасиота (Μονεμβασιώτης), который собирает налоги у «так называемых египтян и цыган» (τοῦς Αἰγυπτίους καὶ Ἀθιγγάνους λεγομένους).

Этот человек разорен и просит императорского милосердия. Он пришел к патриарху и просил его ходатайствовать в его пользу перед императором, чтобы получить простагму «сострадания, освобождения и необременения» (πρόσταγμα μοι συμπλαθείας, ἀφέσεως, ἀνενοχλήσις), чтобы он «не встречал допросы ... без справедливой причины». Григорий говорит, что должен «случайными словами для него молить», пренебрегая красноречием, если в данном случае оно не может способствовать достижению цели прошения¹⁷. Он просит Музалона присоединиться к его просьбе и помочь «несчастному просителю» (τῷ δυστυχῆϊ ἰκέτῃ). Таким образом, патриарх желает получить простагму, гарантирующую иммунитет от наказания имперскому чиновнику.

Музалон начинает ответное письмо (Eu. ριη' [118], Lameere 131) с возражения на похвалу Григория его предшествующему письму и с обильной похвалы красноречию и мудрости Григория, которые превосходят те, что имеются у современников, «в такой степени, как ес-

¹⁵ См. письмо Eu. ρλδ' [134], Lameere 147.

¹⁶ Возможно, это ответ на слова Музалона в предыдущем письме, что из-за незначительного дела Григорий написал «удивительное письмо».

¹⁷ Возможно, намек на то, что изящность или неизящность языка помогает или препятствует успеху прошения у императора.

ли бы кто-то захотел сравнивать разумное существо с животными»¹⁸. Патриарх сравнивается с Григорием Богословом, Василием Великим и Иоанном Златоустом. Музалон говорит, что он «доволен быть учеником и сыном» (ἀγαπῶ καὶ μαθητῆς εἶναι καὶ παῖς) патриарха. Относительно же его просьбы «для испытывающего несправедливость сборщика налогов» (ὕπερ τοῦ ἀδικηθέντος φορολόγου), Музалон сомневается, что о сборщике может когда-нибудь быть сказано, что с ним поступают несправедливо.

Скорее, именно он всегда действует несправедливо, утаивая большую часть того, что конфискует в пределах своей компетенции. Если все же сборщик налогов испытывает несправедливость по отношению к себе, «будучи лишаем того, что ранее собрал», и не всегда поступает несправедливо, «придерживая большую часть дани, которую, собирая налоги, крадет», то было бы лучше для такого человека иногда терпеть несправедливость, чтобы, «будучи в силах поступать несправедливо», он неспособен был бы так поступать.

Однако, поскольку просьбу передает сам патриарх, как его посредник, то этот сборщик, говорит Музалон, получит через него «достаточную помощь», которую «предоставит с готовностью доброта императора» (δωρήσασθαι ἐτοιμῶς τὴν τοῦ βασιλέως χρηστότητα). В отличие от предыдущего случая, великий логофет, после некоторых оговорок о том, что сборщику иногда полезно испытать несправедливость по отношению к себе, соглашается исполнить просьбу патриарха.

В одном из следующих писем (Eu. рк' [120], Lameere 133) патриарх снова обращается к посредничеству Музалона от имени жителей Прусы (οἱ Προυσαεῖς), обратившихся к нему¹⁹. С жителей Прусы должны были быть взысканы шестьсот золотых монет (ἕξ ἑκατοστῆς)²⁰ до того, как их стали беспокоить «соседи» (οἱ γείτονες), по видимому, турки.

Патриарх считает, что взыскание (ἡ τοῦ χριστοῦ εἰσπραξίς) было присуждено императором справедливо. Он даже «сказал бы, что император нарушил бы закон своего правления, если не приказал бы, чтобы оно стало во много раз умноженным», пока жители Прусы

¹⁸ GREGORII NAZIANZENI Or. 43 in laudem Basilii Magni, 65, 2.

¹⁹ Laurent относит письмо к 1285–1286 гг. См. Laurent, Regestes, № 1492.

²⁰ Laurent считает, что взыскание могло быть связано с восстанием Котаницеса, родственника Торников, который был заключен в Прусе в 1283 г., в том же монастыре, где содержался Иоанн Векк, и бежал к сербам, возможно, с потворства некоторых чиновников, намереваясь возобновить кампанию против Палеологов. Однако, скорее всего, речь в данном случае идет о налогах.

«были свободны от злости врагов»²¹. Но теперь обстоятельства изменились: жители города являются «изнуренными и задавленными из-за дурного соседства» и не могут заплатить то, что с них причитается, полностью. Именно это «извиняет и освобождает их от справедливой уплаты» и побуждает патриарха «против воли оказываться человеколюбивым». Он не просит о том, чтобы согрешившие были освобождены от законного взыскания, они, без сомнения, должны заплатить, но «лишь столько, чтобы иметь напоминания о бдительности и охране, а не столько, чтобы быть изнуренными».

Примечателен тот факт, что патриарх считает охрану приграничного города обязанностью его граждан, а не функцией государства. Шестьсот номисм – «это незначительная часть от величины их проступка», но все, кто должен заплатить, являются бедными, городская казна пуста, а город страдает от врагов. Справедливость не позволяет, чтобы сумму уплатили «могущественные» (οἱ δυνατοί), потому что «не они ошиблись».

Будет ли справедливо, спрашивает патриарх, заставить отвечать в данном случае тех, «кто не согрешил» (т.е. богатых), отпустив при этом без уплаты тех «кто уличен»? Наказание, по его мнению, необходимо, как предупреждающее дальнейшее преступление. Он делает невероятное предположение, что Музалон велит «отпустить безнаказанными в такой степени ошибшихся людей» (ἀζημίους τοσοῦτον πταίσαντας ἀφεῖναι ἀνθρώπους).

Патриарх не так милосерден. Он лишь полагает, что надо «к наказанию и некую милость примешать». Патриарх хочет, чтобы деньги были взысканы, но вдвое меньше (триста номисм). В этом и состоит просьба патриарха «ради людей Бога и самого императора» (ὕπερ τῶν Θεοῦ καὶ βασιλέως ἀνθρώπων).

Чьи интересы защищает здесь патриарх? Несомненно, жителей города, желая уменьшить плату. Но патриарх не кажется настолько сострадающим жителям Прусы, чтобы просить полного освобождения их от уплаты налогов. В начале письма он также намекает, что жители Прусы ему лично много дурного сделали²². Тем не менее, он кажется преодолевшим свое предубеждение и более глубоко понимающим суть проблемы. LAIOU считает, что он заботится о «могущественных», которые не должны были, по его мнению, платить штраф²³. Не ясно, кого патриарх обозначает словом «могуществен-

²¹ Первые серьезные набеги турок на Прусу начались в последние годы правления Михаила VIII (между 1280 и 1282 гг.).

²² Может быть, он имеет в виду их сочувственное отношение к находящемуся там в изгнании Векку.

²³ LAIOU A. Op. cit. P. 103: «the real concern is probably for the notables, who

ные» (οἱ δυνατοί). Идет ли речь о людях, которые вообще не должны были платить налоги, или имеются в виду просто богатые граждане, которые не пострадали от врагов и уплатили то, что с них причиталось, и могли подвергнуться обязанности заплатить налоги за остальных?

В любом случае, забота патриарха свидетельствует о его предусмотрительности. Разумеется, Григорий не мог предвидеть взятие Прусы турками в 1326 г.²⁴, но, учитывая факт, что император с этого года вообще не смог получить доходов с завоеванного города, приходится признать, что предупреждения патриарха в 1285 г. имели основания. К сожалению, нет ответа Музалона на прошение патриарха.

Другое письмо к великому логофету (Eu. ρκη' [128], Lameere 141) касается некоего Хатзика (Χατζύκης). Григорий настаивает, что именно он попросил об освобождении от таможенной платы (τὴν εἰς τὸ κομμέρικιον ἀτέλειαν), а не «жизнь покинувший Хатзик ради живущего» (т.е. не отец нынешнего Хатзика), свидетелем чего является сам император, подтверждая простагмой, что патриарх получил требуемое и что освобождение «патриарх доставил от императора многими просьбами»²⁵.

Но потом император решил отменить дарение, не только дальнейшее, но и нынешнее. Появился сборщик и потребовал от Хатзика уплаты суммы в сто золотых монет за долги. Патриарх посылает простагму императора великому логофету, чтобы, как он говорит, она не стала причиной выгоды для сборщика против воли патриарха. Дело весьма любопытное, так как патриарх уплатил сто золотых сборщику Сгуру²⁶ (τῷ Σγουρῷ), «из фонда церкви для бедных» (ἐκ τῶν τῆς Ἐκκλησίας πτωχικῶν). Он просит, чтобы Сгуром была послана бумага (τὸ πρόσταγμα), удостоверяющая, что Николай Хатзик (Νικόλαος ὁ Χατζύκης), «насладившись освобождением от таможи» (ἀτελείας γευσάμενος), заплатил, и препятствующая в будущем таможенникам и сборщикам (τελώνας καὶ πράκτορας) собирать его имущество и увеличивать плату во много раз, а также для того, чтобы Хатзик вообще не раскаялся в своей просьбе.

Еще один любопытный момент: патриарх говорит, что он на-

---

should not have to pay a fine».

²⁴ Пруса, брошенная на произвол судьбы, пала 6 апреля 1326 г. (См. История Византии. Т. 3. М., 1967. С. 129. PLP. IX, № 21133: Ὀρχάν Ι).

²⁵ Laiou предполагает, что это может быть оправданием за непрямое использование церковных фондов. См. LAIOU A. Op. cit. P. 100, сноска 54.

²⁶ Σγουρός. См. PLP X, № 25047. Laurent, Regestes, № 1524. Laurent предполагает, что Сгур сменил Иоанна Теологита. Laurent не датирует это письмо, но если его предположение верно, то письмо может быть отнесено к 1285 г.

чится «тому, чтобы ничего не потребовать ни для кого в будущем», если не хочет ничего от себя платить «или лишать нужного желудка богатых», и люди разучатся приходить за этим к нему, а он, в свою очередь, к императору. Это могла быть большей частью риторика. Однако это также свидетельствует о его склонности к отказу от личной помощи с использованием государственных связей.

О том, что это не просто слова, свидетельствует другое письмо к великому логофету (Eu. ρλζ [136], Lameere 149), в котором патриарх возмущается тем, что некий человек предстал перед императором, назвавшись родственником патриарха и получил дарение. Патриарх не может не хвалить доброту императора, но не желает, чтобы он впредь давал что-либо его родственникам.

Следующее письмо (Eu. ρκθ' [129], Lameere 142) касается некоего Хрисокомпа (Χρυσοκομπᾶς), солдата (στρατιώτης), держателя военного имени (пронии), проживающего на земле вдоль Скамандра (τῆν παρὰ Σκάμανδρον χώραν οἰκῶν). Этот человек получил имение в приданое от первой жены, от которой имеет сына. Она умерла, когда сын был еще «отроком», но уже «способен носить оружие».

Таким образом, «и прония (ἡ πρόνοια), и дом, и все другое, на основании чего он был обязан нести воинскую службу, принадлежали ребенку от матери». Хрисокомп отослал сына в армию, а сам оставался дома со своей второй женой. Родственники первой жены, которая получила пронию в качестве приданого, проявляют к ней интерес. Они, по-видимому, не имеют законного основания требовать это имение, где живут два человека, которым эта собственность не принадлежит по закону. Поэтому они просят вернувшегося в отпуск юношу изгнать из дома мачеху, «как некое осквернение».

Юноша не видит «никакого посрамления, принесенного женщиной дому» и не хочет расстраивать отца. Терпя неудачу, родственники обвиняют юношу в адюльтере с мачехой. Обвинение не было сделано в суде, а было распространено ими в форме слухов. Но они все-таки пробудили интерес фискального агента (δημόσιος), который подверг юношу пыткам и конфисковал собственность. Патриарх говорит, что сборщик Логариаст (Λογαριαστής)²⁷, «получивший заботу о публичных делах на Скаммандре после Эскамматисмена»²⁸ (μετὰ γὰρ τὸν Ἐσκαμμάτισμένον τὴν τῶν δημοσίων ἐπιμέλειαν ἐν Σκαμάνδρῳ λαχόντι), обходится с этими людьми «скорее по-варварски, чем по-христиан-

²⁷ Λογαριαστής, сборщик на Скаммандре (Малая Азия) в 1283–1289 гг. См. PLP VI, № 14991.

²⁸ Ἐσκαμμάτισμένος Λέων, исполнявший функции сборщика на Родосе и Кикладах в 1263 г., потом сборщик на Скаммандре до 1289 г. См. PLP III, № 6144. Laurent, Regestes, № 1525.

ски». Он просит великого логофета лично расспросить пострадавших и избавиться их «если не от пыток» (так как это уже случилось), то по крайней мере от неприятностей, касающихся «дома и имущества».

Этот случай поднимает вопрос о юридическом статусе имуществ прони. Земли прони и собственность, которая обязывает мужчину стать солдатом, даны в качестве приданого, и они переходят к сыну, когда он достигает возраста для вступления в армию. Прония была не только пожизненным владением, но и передавалась по наследству. Но она не была неотчуждаемой²⁹. В другом письме к великому логофету (Eu. ρυθ' [159], Lameere 172)³⁰ патриарх ходатайствует за сыновей персидского, скорее, турецкого прониара Фахратина (Φαχρατίνης), после принятия христианства получившего имя Петра³¹.

В письме к императору (τῷ βασιλεῖ κυρῷ Ἀνδρονίκῳ τῷ Παλαιολόγῳ) (Eu. ρλβ' [132], Lameere 145) патриарх сообщает о злоупотреблениях тех, кто отвечает за содержание выючных животных для государства. Некие Кимп (Κιμπός), Зир (Ζιρᾶς), Никита (Νικήτας), Парохот (Παραχώτης) и Мелий (Μελίας) поделили между собой местность от Каллиуполя (Галлиполи) до горы Ганос (ἀπὸ Καλλιουπόλεως καὶ μέχρι Γάνου τοῦ ὄρους), чтобы прокормить скот. Они, собирая у местных жителей «больше, чем подобает, построили себе хранилища пшеницы и ячменя». Но вот «предоставляют ли они достаточно скоту», – замечает патриарх со свойственным ему юмором, – «сам скот осматриваемый будет свидетельствовать».

Кроме того, указанные люди являются «барышниками зерна» (κάπηλοι τῶν σπερμάτων), так как перепродают зерно по дорогой цене. «В этом же, как и они, упражняются» (Τὰ αὐτὰ δὲ τοῦτοις ἐπιτηδεύουσι)³² и те, кто поставляют закуски (τὰ ὄψα) для царской трапезы. Когда император остановился с войском лагерем около Лампсака (περὶ Λάμψακου)³³, эти люди «пошли в Киос, Триглию, Элегмы (εἰς Κίον καὶ Τρίγλειαν καὶ Ἐλεγμούς) и еще более удаленные места, взыскивая и получая» от местных жителей куриц (ὄρνιθια), просят (χοιρίδια) и другую живность. Они собирают с населения продуктов не столько,

²⁹ КАЗДАН А.П. Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952. С. 219.

³⁰ Это письмо написано в конце патриаршества Григория.

³¹ Φαχρατίνης (Fakr al-Don), Πέτρος Ἀνδρόνικος. См. PLP XII, № 29669. Laurent, Regestes, № 1536. Бибиков М.В. Сведения о прони в письмах Григория Кипрского и «Истории» Георгия Пахимера //ЗРВИ, 17. 1976. С. 95.

³² Не «помогают им в этих операциях», как говорит М.В. Бибиков. См. Бибиков М.В. К социально-психологическому анализу писем Григория Кипрского: бедность, бедствия, болезни //ВВ. Т. 56 (81). М., 1996. С. 58.

³³ Laurent датирует письмо концом декабря 1284 г. См. LAURENT, Regestes, № 1474.

сколько нужно для императора, а больше, чтобы перепродать их.

Патриарх просит, чтобы повсюду были отправлены простагмы, «навсегда прекращающие это стыдное требование», или, по крайней мере, «определяющие, сколько требующие должны брать для императора и сколько дающие – давать». Имел ли патриарх какие-то конкретные представления о допустимых размерах собираемых налогов, сказать трудно. В другом письме (Eu. ρλδ' [134], Lameere 147) он намекает на обычай и древнюю меру требования.

В этом же письме патриарх описывает еще один случай, свидетелем которого стал он сам³⁴, связанный со злоупотреблением деспота Иоанна (τοῦ δεσπότης Ἰωάννου), бежавшего в Византию болгарского царя Иоанна III Асана (Асеня)³⁵, и его людей, отнявших часть овец у продавца мяса (κρεωπώλης). Хотя этот случай не относится к предмету нашего рассмотрения, поскольку преступление совершено не государственными чиновниками, но все же интересны выводы патриарха.

Он говорит, что, «уступая неразумным стремлениям», деспот «много делает такого», что «город³⁶ в подобающей любви к своему деспоту ослабел и, как преданный, наполнен обвинением и ропотом». Деспоты стояли так высоко, что были неприкосновенны, и подданные императора обязаны были почитать их, несмотря на поступки, не соответствующие их высокому положению. Больно из-за этого патриарху, больно и епарху, но никто из них «не мстит за страдающий город»: патриарх – потому, что говорит «в уши неслышащих», епарх – потому, что не имеет около себя военный отряд. Поэтому, говорит патриарх, так как город очень дорог императору, то пусть он пошлет сюда военный отряд (τάγμα στρατιωτικόν), чтобы он был «правой рукой» епарху и сдерживал охотников до смут.

Еще одно письмо (Eu. ρλδ' [134], Lameere 147) патриарх пишет императору, находящемуся, по словам Музалона, в Атрамитии³⁷, который Григорий называет «самым чумным местом» (ἐν Ἀτραμιτίῳ τῷ λοιμωδεστάτῳ χωρίῳ), и просит его поскорее вернуться. Патриарх надеется, что император возьмет на себя заботу о политических и церковных проблемах. Однако если церковным делам император сможет помочь своим быстрым приездом, то даже он не сможет легко помочь политическим делам, «являющимся настолько ошибочными и испорченными» (τοσοῦτον πλημμεληθεῖσι καὶ διαφθαρεῖσι).

³⁴ Это произошло, по сообщению патриарха, 20 декабря, когда он возвращался в столицу из путешествия «от Геллеспонта».

³⁵ Ἀσάνης, Ἰωάννης Μυτζής, царь Болгарии в 1279–1280 гг., деспот с 1284 г. См. PLP I, № 1501.

³⁶ Т.е. Константинополь.

³⁷ См. LAURENT, Regestes, № 1483.

Патриарх говорит, что «несправедливости нет границы» (τοῦ γὰρ ἀδικεῖν οὐκ ἔστιν ὄρος). Но он различает несправедливость сильных по отношению к слабым и несправедливость сборщиков налогов. Первая известна с древних времен: у сильных «всегда обычай делать более слабых для себя едой». Недовольство патриарха вызывает тот факт, что «покупающие общественные дани и доходы» (οἱ τὰς δημοσίας εἰσφοράς καὶ τοὺς λόρους εὐούμενοι)³⁸ не сохраняют ни «справедливое и согласное обычаю изъятие» (δικαίαν εἰσπραξίν καὶ νενομισμένην), ни «древнюю меру требования» (παλαιὸν ἀπαιτήσεως μέτρον)³⁹.

Патриарх говорит, что он не раз слышал, что традиционно купцы должны были платить определенный процент в качестве пошлины, и это справедливо, но нельзя, чтобы «бедный купец» (τὸν ἄθλιον ἔμπορον) платил столько, сколько пожелает взимающий. Откупщики в свое оправдание лишь говорят, что купили это право у императора. Патриарх пишет, что «с одной стороны, кажется наслаждением, если каждый год тысячи добавляются и умножаются», с другой стороны, «если дело будет продвигаться таким образом», то «безысходностью и болью закончится это добавление», так как у купцов не будет возможности сосредоточиться на их занятиях, если результаты их деятельности «уничтожатся несправедливо требующими».

Иными словами, такая практика, согласно патриарху, способствовала увеличению доходов в короткое время, но отнюдь не способствовала развитию предпринимательской активности византийских купцов. Как и в случае с жителями Прусы, патриарх выказывает тревогу по поводу полного уничтожения экономической базы для налогообложения.

В том же письме патриарх опять намекает на дело, описанное в письме Eu. ριε' [115], говоря, что император давно предоставил ему, просившему «ради имений церкви» (ὕπὲρ τῶν τῆς Ἐκκλησίας κτημάτων) простагму, «освобождающую их от всякого взимания и всякого прикосновения» (πάσης εἰσπράξεως ἔαν αὐτὰ καὶ πάσης ἐπηρείας).

Здесь, в отличие от первого случая с Теологитом, произошедшим в начале его патриаршества, Григорий проявляет меньшую активность. Хотя император требовал быстрой оплаты долга (возвращения излишних налогов?), патриарх на этот раз не послал своих людей, а только отправил простагму Теологиту⁴⁰ и некоторым другим сборщикам. Сделал он это, потому что «предпочел бы скромное

³⁸ Т.е. откупщики.

³⁹ Согласно Laiou, это означает, что откупщики не придерживаются ни справедливой практики, ни древней практики. См. LAIOU A. Op. cit. P. 102.

⁴⁰ Laurent датирует письмо началом января 1285 г. Мы видим, что Теологит еще не уволен с должности.

владение», но без неприятностей, «большому имуществу с неприятностями», или даже предпочел бы «вовсе ничего не иметь».

Он возмущен тем, что, даже прочтя простагму императора, дающую неприкосновенность церковным владениям, сборщики поступают так, словно простагма повелевала им нарушать ее. Так что если в ближайшее время не придут другие такие простагмы, препятствующие сборщикам чинить несправедливость, патриарх отказывается от своего имущества и позволит, как он говорит, превратить «земли, являющиеся белыми и уже готовыми для урожая», в пастбища для овец, так как «по природе не способен выносить рабство».

Под рабством патриарх, скорее всего, подразумевает подчинение государственным чиновникам. Он намекает на то, что власть, уступая свои полномочия в сборе налогов людям, «дурным образом вкрадывающимся в публичные дела», таким образом, узаконивает злоупотребления, которые сам «великий судья» (т.е. Бог) посчитал бы греховными и достойными осуждения. В данном случае Григорий защищает не интересы отдельных подданных императора, а интересы византийской церкви. Его отказ от имущества церкви, сделанный с указанием на киника Кратета⁴¹, представляется скорее риторическим.

В следующем письме (Eu. ρλε' [135], Lameere 148) Григорий просит великого логофета за какого-то архиерея, за которого он уже когда-то просил. Этот человек сам является бедным, будучи монахом, и представляет бедную церковь. Его церковь имеет долг, который не в силах погасить. Он, говорит патриарх, не желает «какой-то дар получить в помощь», но хочет «положить под кадастры своей церкви» (τοῖς τῆς ἐαυτοῦ ἐκκλησίας ἀλοκαταστροφικοῖς), которые также «практиконами» (πρακτικῶ) называются, «некие дела и сделать их истинными, чтобы не в буквах одних имущество его охватилось».

Иными словами, он просит, чтобы практиконам его церкви соответствовало реальное имущество. Возможно, эти земли были захвачены и остались только на бумаге. Патриарх намекает на многие подобные случаи. Играя понятием “знание”, он говорит, что знает, что «таковые требования невозможно разом исполнить», знает также, что адресат знает, что необходимо «требующих утешить», и предполагает, что адресат знает, что «Бог дает силу» ему при этом.

В целом в этих письмах можно отметить несколько общих интересных моментов. Во всех рассмотренных случаях за императором

---

⁴¹ Кратет из Фив, расцвет деятельности которого падает на 328–325 гг. до н. э., покинул дом, раздал свое имущество народу и проповедовал высоконравственную бедность. См. ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1995. С. 263–266 [Кн. VI, 85–93].

сохраняется полная свобода действий, он может поступать так, как пожелает. Конечно, император справедлив и обладает добродетелью человеколюбия. Однако результат его поступков не всегда оказывается полезным, так что патриарх не всегда согласен с императорской политикой. Он считает, что иногда нужны справедливость и суровость, иногда милость, а иногда все вместе.

Нельзя не заметить, что патриарх не дает конкретных свидетельств о действиях судов. В поисках правосудия он обращается к императору (лично или через великого логофета). Laiou считает, что причиной этого могла быть экстраординарность случаев⁴². Это представляется менее вероятным, чем то, что судебная компетенция различных инстанций не была четко определена. Еще не была проведена судебная реформа, осуществленная Андроником II и Андроником III⁴³, начавшаяся в 1296 г. и приведшая к образованию института «вселенских судей ромеев» при совместном участии церкви и императорской власти. Однако уже ясно обозначается тенденция того, что «церковь, сохраняя значение своего духовного суда, «прибирает к рукам» и бывший доселе исключительно светским орган верховной судебной власти в империи»⁴⁴.

Все отобранные письма, а также многие другие, касаются имущественных проблем. В качестве главных злодеев и нарушителей в них обычно выступают постоянно ругаемые патриархом сборщики налогов, за исключением почти смешного случая со сборщиком, пытавшимся собирать налоги у цыган. Подобные нарушения приписываются и бывшему болгарскому царю, который вряд ли мог подвергнуться за это преследованию из-за своей царственной неприкосновенности.

В Византии справедливость и человеколюбие, также переводимые в милость и терпимость, были основными добродетелями. Несмотря на то, что они могли быть взаимосвязаны, они часто оказывались в противоречии: справедливость требует одного хода действий, милость – другого. В любом случае, следует обратить больше внимания на справедливость, чем на человеколюбие.

Каким образом имущественные проблемы решались, в точности не известно, но поскольку патриарх в основном не возвращается к описанным случаям в своей корреспонденции, можно предположить, что его ходатайства имели для обратившихся к нему некоторые по-

---

⁴² LAIOU A. Op. cit. P. 105.

⁴³ См. МЕДВЕДЕВ И.П. Византийское право на заключительном этапе своего развития//Культура Византии XIII – 1-й пол. XV в. М., 1991. С. 298-312.

⁴⁴ Там же. С. 302.

ложительные последствия. В случае с Теологитом мы видели, что жалобы патриарха на него не действовали. Один раз он вместо должной тысячи модиев зерна отдал лишь половину патриарху, вторую же – женскому монастырю, причисляя его к патриаршему имуществу и поэтому считая свои действия справедливыми. В следующем году этот сборщик, будучи, очевидно, обиженным насильственными действиями патриарха, повел себя по отношению к нему еще более вызывающе.

Несомненно, основные реформы в сфере собирания налогов откупщиками в денежной и натуральной форме не были проведены. Откупщики должны были иметь определенную выгоду от своего нелегкого, малоприятного и подчас даже опасного труда. Если государственный чиновник (великий логофет) говорит, что сборщики в любом случае грабят людей, собирая налоги, то возникает сомнение в существовании законов, четко регламентирующих их действия. Пожалуй, можно считать вполне законным то, что сборщики, используя свое положение, «дешево покупают и дорого продают» зерно, как говорит патриарх в письме Еу. ρλβ' [132]. Но, в любом случае, они действуют незаконно, когда, прикрываясь именем императора, собирают якобы для его трапезы продукты, на самом деле оставляя большую их часть себе, чтобы потом продать.

Стиль писем является важным фактором, определяющим судьбу прошения. Справедливость здесь выступает как определенная привилегия, которая даруется императором и высшими чиновниками (как великий логофет). Патриарх мимоходом апеллирует также к справедливости Божьего суда⁴⁵. Он обращается не только к справедливости, но и к милости и человеколюбию императора. Его ходатайства к императору, лично или через Музалона, вращаются вокруг тех вещей, которые судьи в судах нередко игнорируют, таких, как особые обстоятельства действий людей, их мольбы и слезы. Форма, стиль послания, риторика, так же, как и отношения дружбы, личной, интеллектуальной или деловой, играли огромную политическую роль, и патриарх Григорий Кипрский, учитель Феодора Музалона и объект его восхищения в отношении стиля, думается, очень хорошо это понимает.

В основном Григорий Кипрский описывает случаи вполне беспристрастно. Он защищает интересы различных групп и отдельных людей, в одном случае даже одного из обычно критикуемых им

---

⁴⁵ Ср. письмо Еу. ρλδ' [134], где патриарх говорит по поводу злоупотреблений в отношении византийских купцов: «Я умалчиваю произносить грех и обвинение, и осуждение великого судьи из-за таковых».

сборщиков налогов. Конечно, на первом месте для него стоят интересы возглавляемой им церкви (т.е. Константинопольской патриархии). Все же его письма дают немало примеров его предусмотрительной заботы об интересах империи. Это вполне понятно, поскольку, занимая один из высших постов в государстве, патриарх не мог не видеть проблем государственной власти и управления.

O.V. Zamjatina
Ekaterinburg

**FISKALISCHE PROBLEME IN BYZANZ, DARGESTELLT AUF DER GRUNDLAGE DER
KORRESPONDENZ DES PATRIARCHEN GREGORIOS KYPRIOS IN DEN JAHREN
1283-1285**

In dem Aufsatz werden zehn Briefe des Patriarchen Gregorios II. Kyprios aus den Jahren 1283-1285, und zwar zwei Briefe des Patriarchen an Kaiser Andronikos II., sechs Briefe des Patriarchen an den Großlogotheten Theodoros Muzalon und zwei Antwortschreiben des letzteren, einer Analyse unterzogen. Alle ausgewählten Briefe betreffen Vermögensangelegenheiten. Wie sie gelöst wurden, lässt sich auf Grund der Angaben der Briefe nicht feststellen, doch angesichts der Tatsache, dass als Hauptgesetzesbrecher die vom Patriarchen fortwährend beschimpften Steuereinnahmer hervortreten, ist anzunehmen, dass die Bittgesuche des Patriarchen für die Leute, die sich an ihn wandten, einige positive Ergebnisse zeitigten. Weiterhin lässt sich voraussetzen, dass es in Byzanz keine Gesetze gab, die die Vorgangsweise der Steuereinnahmer genau bestimmten, und dass gerichtliche Instanzen fehlten, an die sich die Geschädigten hätten wenden können, da sich der Patriarch im Namen der Gerechtigkeit an den Kaiser wendet und über die Tätigkeit von Richtern keine Mitteilung macht. Im großen und ganzen beschreibt Gregorios Kyprios die ihm vorliegenden Fälle ohne Voreingenommenheit, wenn er die Interessen verschiedener Gruppen oder von Einzelpersonen verteidigt. Obwohl für ihn zweifellos die Interessen der von ihm geführten Kirche an erster Stelle standen, finden sich in den Briefen nicht wenige Beispiele von vorausschauender Sorge um das Reich.